

В отличие от Императорской гвардии, люди Восточной палаты были раскиданы по всей столице и даже по стране, поэтому редко собирались все вместе в таком составе.

Чжао Цзинчжун подлил ему воды:

— Да скоро ведь Новый год. Все вернулись за годовыми подачками.

Хэ Сы: «...»

Он не мог больше пить. Лучше бы ему сразу умереть на месте.

...

Болезнь Хэ Сы накатила как буря, а уходила, словно вытягивая жилы. Проснувшись ненадолго, он снова почувствовал смертельную усталость, отправил Чжао Цзинчжуна улаживать дела с собравшимися и вновь провалился в тяжёлый сон.

Спал он беспокойно. Всё время казалось, что кто-то на него смотрит.

Осенняя ночь на вторую-третью луну. В обширной и безлюдной столице стояла такая тишь, что слышалось, как с шелестом оседает роса.

Хэ Сы дремал в полудрёме. Тонкая струйка холодного ветерка всё норовила потревожить его покой. Он нахмурился — и ветерок мгновенно исчез. Но его место занял чей-то неосязаемый, но неотступный взгляд.

Два луча этого взгляда жгли кожу, будто прилипшая и неотвязная пластырная повязка. Они вызывали у Хэ Сы и лёгкое сердцебиение, и глухое раздражение.

— Надое-ели, — пробормотал он во сне, дёрнул ухом, нахмурился и резко распахнул глаза.

Глаза из сна стали явью. Прямо перед ним, вплотную, сидел живой человек. Хэ Сы словно громом поражённый — разряд ударил с макушки до копчика. Всё его тело судорожно дёрнулось.

— Твою мать! Привидение! — вырвалось у него.

«Привидение», обнаружив, что его заметили, ничуть не смутилось. Его обладатель развалился на краю кровати, широко расставив ноги, словно восседая на троне.

— Наместник шутит. Я двадцать два года прожил человеком, ещё не нажился и пробовать участь призрака не собираюсь, — произнёс он, с явным интересом смакуя только что услышанное ругательство. — Наместник всегда славился изысканностью и сдержанностью. А вот матерщина из Ваших уст звучит... особенно пикантно.

Хэ Сы: «...»

Он-то думал, что этот Лу просто характером покорёжен, а оказывается, и с головой у него не всё в порядке...

Хэ Сы, всё ещё не оправившись от испуга, приподнялся на кровати, чтобы не чувствовать себя в слишком уж унижительной позе. После болезни он был слаб как тряпка, и даже на

полноценное проклятие в адрес всего рода собеседника не хватало духу. Его одновременно потрясло внезапное появление Лу Чжэнмина и возмутила непроходимая тупость его подчинённых, которые только и умели, что жрать да пукать на казённых харчах.

Позволить какому-то мелкому гвардейцу вот так запросто вломиться в покои и воссесть на краешек ложа самого Наместника Восточной палаты!

Продолжай они в том же духе — и не надо будет ждать, пока Гвардия окрепнет. Эти балбесы сами похоронят Восточную палату.

Хэ Сы вцепился в промокшую от холодного пота одежду на груди. Он чувствовал, что даже Пилюля защиты сердца ему не поможет. Если он и дальше будет сидеть в кресле Наместника Восточной палаты, ему понадобится Пилюля девятикратного возвращения души!

— Что ты здесь делаешь? — ледяным тоном спросил он.

Лу Чжэнмин восседал на его краю кровати с таким видом, что Хэ Сы заподозрил: проснись он чуть позже — и этот тип уже забрался бы под одеяло, успешно осуществив свой коварный план «сращения».

Неужели в этом мире есть кто-то ещё бесстыднее, чем он сам? Хэ Сы переполняли и ярость, и скорбь.

Лу Чжэнмин, совершенно игнорируя его взгляд, готовый извергнуть пламя, спокойно взял с прикроватного столика пиалу с ещё дымящимся отваром и протянул её Хэ Сы.

— Я всего лишь сказал братьям, стоящим снаружи, что я Ваш человек, — невозмутимо пояснил он. — И они меня пропустили.

Хэ Сы: «...»

Лу Чжэнмин, видя, что лицо Хэ Сы стало и вовсе скорбным, не сдержал усмешки. Он почтительно поднёс пиалу к самым губам наместника.

— Вы слишком много думаете. Если бы Восточная палата и впрямь была такой, как я сказал, Гвардии не пришлось бы влачить столь жалкое существование. Пейте, пока не остыло.

Хэ Сы мрачно уставился на пиалу, не произнося ни слова. Чёрная аура, исходящая от него, сгущалась, грозя поглотить его целиком.

Лу Чжэнмин, человек, редко утруждавший себя долгими терпеливыми речами, на сей раз говорил мягко и почтительно. А в ответ — ни тени благосклонности.

«Вот и вылезла наружу его истинная сущность, — подумал Лу Чжэнмин. — Обычно такой понимающий и обходительный, а заболел — и сразу „ни родни, ни друзей“ не признаёт». Хотя их связывали лишь тонкие, почти невидимые нити, они всё же провели вместе одну ночь на заброшенном кладбище. А он теперь не то что улыбнуться — взглянуть не хочет.

Ладно. Лу Чжэнмин счёл себя человеком широкой души, способным многое стерпеть. Он наклонился ещё ниже и заговорил с почтительным видом:

— Наместник, не извольте тревожиться. Хотя я и нахожусь сейчас в непосредственной близости от Вас, но стоит мне сделать хоть малейшее враждебное движение — и моя голова

мгновенно покинет плечи.

Хэ Сы не тревожился. Хэ Сы просто бесился от мысли, что отныне любой, кто захочет его прикончить, сможет просто сказать его верным Четырём Великим Хранителям сладким голоском: «Я — сладкий пирожочек нашего Наместничка», и его беспрепятственно проведут к его ложу, где он сможет точить ножик, глядя на его спящую голову.

Вот же блядство, а?! Да?!

Хэ Сы сидел с каменным лицом, излучая такую подозрительность и убийственную ауру, что у Лу Чжэнмина вдруг защекотало нутро от дурного предчувствия. Он украдкой наблюдал за этим бесстрастным лицом. От болезни щёки побелели, потеряв всякий румянец, и сквозь кожу проступала холодная, отстранённая сущность, словно с него содрали привычную маску добродушия, обнажив ледяную сердцевину.

Лу Чжэнмин тяжело вздохнул и попытался объяснить:

— Вы мне, конечно, не доверяете, но разве можете Вы не доверять своим ближайшим соратникам?

Хэ Сы криво усмехнулся, лишь слегка тронув уголки губ.

— Раньше доверял. Теперь — не смею.

Чжао Цзинчжун, подслушивавший под дверью, вздрогнул всем своим могучим телом. *Трах!* Его хрустальное сердце разбилось вдребезги, и собрать осколки было уже невозможно.

Янь Чунь, стоявший рядом и тоже прикипший к стене, не вынес скорбного вида своего начальника и принялся утешать его шёпотом:

— Я же уговаривал Вас не впускать его... Видите теперь, даже честному чиновнику не под силу разобраться в семейных дразгах. Кого уж там переспали, того и переспали, чего уж...

Бесстрастный голос Хэ Сы прозвучал из-за двери:

— Я слышу.

Янь Чунь: «...»

Чжао Цзинчжун: «...»

Они затаили дыхание, стараясь стать невидимыми. Но яростный рёв Хэ Сы прорвался сквозь бумажные стены:

— Я с ним не спал! Ещё одно слово — и я всех вас пересплю!

Все мгновенно затихли, будто куры. Даже Лу Чжэнмин не смел пикнуть.

Выпустив пар, Хэ Сы немного успокоился. Он выхватил пиалу, которую Лу Чжэнмин всё ещё почтительно держал в руках, залпом осушил её и швырнул обратно. Взяв платок, он неспешно вытер губы.

— Повышение получил, дорога к почестям открыта. Чего ж ты ко мне припёрся? — Лу Чжэнмин открыл рот, но Хэ Сы опередил его, с презрением окинув взглядом его тощее тело,

немногим упитаннее, чем у голодающего. — Выбрось из головы свои прошлые бредни. Ты мне не интересен.

Он не был похож на своего приёмного отца с его маниакальной страстью к коллекционированию — сгонять в свой дом и пухлых, и стройных, чтобы те потом днями напролет играли в маджонг.

Иногда, глядя на своего отца, Хэ Сы замечал, что его голова отликает изрядной зеленцой... Но, как гласит поговорка, хочешь жить счастливо — примиришься с тем, что голова слегка зеленеет.

«Даже если я и голубой, то голубой со вкусом, — подумал Хэ Сы. — На кой чёрт мне этот кожа да кости? В постели ведь колотья будет!»

Лу Чжэнмин онемел от этих слов. Лицо его то краснело, то бледнело. Но в конце концов он взял себя в руки, и на губах вновь появилась привычная усмешка.

— Своим нынешним повышением я всецело обязан наставлениям Наместника. Эта милость и доброта глубоко тронули меня. Я пришёл выразить свою признательность.

— Не надо, не надо, — безразлично отмахнулся Хэ Сы. — Ваш покорный слуга ведаёт лишь своими тремя мурами земли в Восточной палате. Ни за что не посмеет совать нос в дела Гвардии. Стал ты сотником, стал тысячником — твоя собственная удача. Ко мне это не относится.

Лу Чжэнмин мягко улыбнулся.

— Такие слова можно говорить другим. Но Наместник и я отлично знаем: не укажи Вы мне путь, после моих прошлых промахов дорога наверх для меня была бы навек закрыта.

Хэ Сы на секунду задумался, затем лицемерно промолвил:

— Коль уж ты явился с искренним желанием отплатить за добро, мне, пожалуй, негоже отвергать тебя, дабы не ранить твоих чувств, — он принял вид человека, ждущего похвалы за свою доброту, и с отеческой нежностью посмотрел на Лу Чжэнмина. — Как раз мне не хватает способного и смышлёного приёмного сына. Как насчёт того, чтобы подумать над этим?

Хи-хи. Хэ Сы почувствовал, как комната наполнилась весёлой атмосферой. Но он и представить не мог, что эта шуточная фраза в будущем заставит его бесчётное число раз горько сожалеть и лить слёзы в самые неподходящие моменты.

<http://bllate.org/book/16284/1467073>